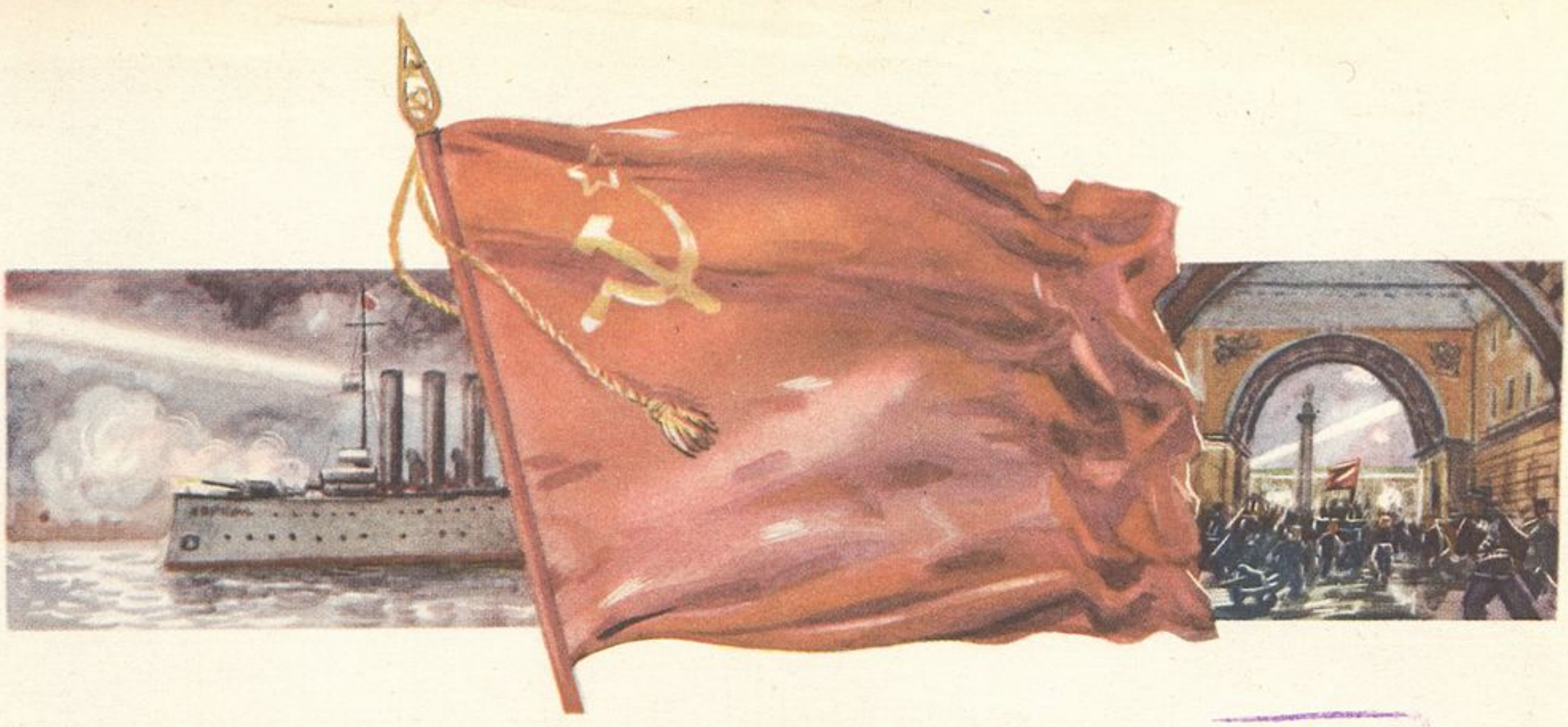
2
Государственная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР имени В. И. Ленина

МУРЗИЛКА

№-11 Журнал ЦК ВЛКСМ для школьников младших классов НОЯБРЬ 1950



ХОРОШО НАМ С ТОБОЮ ЖИВЁТСЯ!

Государственная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. ЛЕНИНА

Олег БЕДАРЕВ *Рис. Н СОКОЛОВА*

Видишь, в небе трепещет и вьётся
Красный шёлковый праздничный
стяг.
Хорошо нам с тобою живётся!
Не всегда это было так...
Наше счастье в сраженьях добыто.
Тридцать лет и три года назад
Против своры грабительской, сытой
Начал штурм боевой Петроград.

А сегодня мы в братстве свободном —
С нами чех, и румын, и поляк, —
Грянем песню о счастье народном!
Не везде ещё нынче так...

В этот час в Нью-Йорке, быть может,
Где богатый у власти сидит,
Негритёнок за чёрную кожу
Будет до смерти белым избит.

Там, в Нью-Йорке, готовятся войны,
Реки новых страданий и мук.
Мы же строим и строим спокойно —
Наше счастье не вырвешь из рук.
Над отчизной любимою Сталин
Засветил лучезарный маяк.
Звёзд огни над Кремлём засверкали,
Перед ними расступится мрак, —
Скоро будет повсюду так!

Иосиф Виссарионович СТАЛИН.

МАТРОС С „АВРОРЫ“

Марк МАКСИМОВ — *Рис. С. БОЙМА*

На крейсере «Аврора»
призывно склянки бьют.
Сегодня там на вахту
нахимовцы встают.

Вблизи — Адмиралтейство,
высокая игла.
На вечную стоянку
«Аврора» приплыла.

Но для учебных целей
пар разведён в котлах,
и дан сигнал походный,
и встрепенулся флаг.

И кажется ребятам,
что, снявшись с якорей,
пошла, пошла «Аврора»
по синеве морей.

И ленты бескозырок
относит ветерок.
Стоит на первой вахте
с биноклем паренёк.

Матросская тельняшка —
полоски на груди.
Приказ: — Глядеть по курсу
на море впереди.

Он то в бинокль посмотрит,
то так — из-под руки,
зовут «вперёд смотрящий»
такого моряки.

Плывёт
вперёд смотрящий
навстречу синей мгле
на крейсере «Аврора»,
на славном корабле.

Вперёд смотрящий знает,
что этот крейсер дал
к Октябрьскому восстанью
в семнадцатом сигнал,

что в пулемётных лентах,
с винтовкой у плеча
стоял матрос с «Авроры»
в охране Ильича.

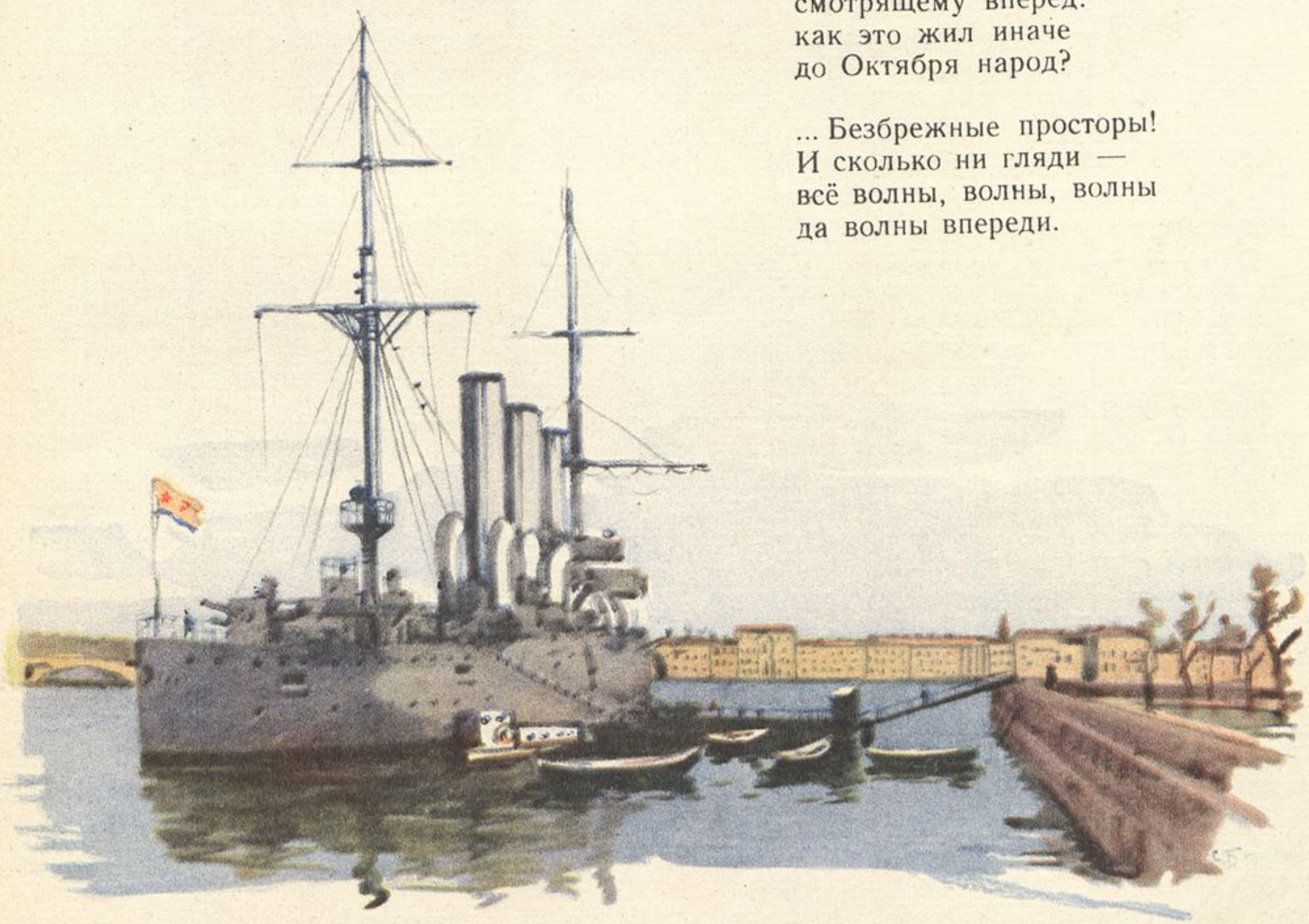
Вперёд смотрящий знает
(ведь он глядит вперёд!),
что Сталин к коммунизму
с тех пор страну ведёт.

Вперёд смотрящий знает
(и как ему не знать!),
что родина о детях
заботится, как мать,
что есть у юных граждан
его родной земли
и здравницы, и школы,
и даже корабли,

что сталинскою волей
был враг в боях сражён.
Да, он всё это знает,
всё понимает он.

Одно лишь непонятно
смотрящему вперёд:
как это жил иначе
до Октября народ?

... Безбрежные просторы!
И сколько ни гляди —
всё волны, волны, волны
да волны впереди.



И мальчику сдаётся,
что он за семь морей
уплыл с тех пор, как снялся
их крейсер с якорей.

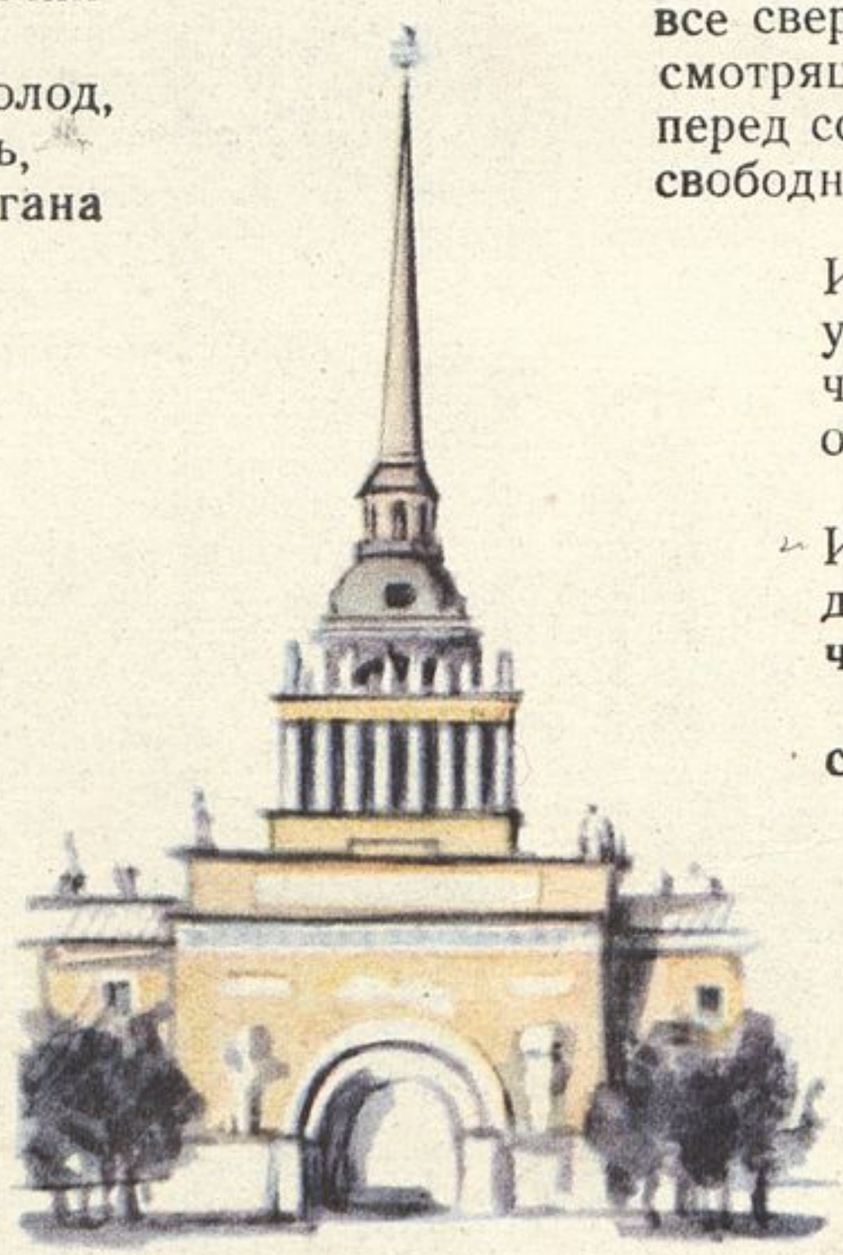
И вахтенный подумал
о берегах чужих
и за морскою синью
себе представил их.

И будто бы в бинокле
внезапно увидал
всё, что слыхал от старших,
что в книжках прочитал.

Вот он приплыл к Ирану.
Трудятся день-деньской
иранские ребята
в ковровой мастерской.
Они ковры для шаха
годами ткут и ткут,
здесь многие ослепнут,
а слабые — умрут...

... Вот Индия мелькнула
за бортом вдалеке.
Идёт индусский мальчик
с мотыгою в руке.
В индусских сёлах голод,
и как ни билась мать,
пришлось ей мальчугана
помещику продать.

...Америка.
В канаве
вповалку дети спят:
десятки белых, чёрных
оборванных ребят.
Отцы их без работы,
без хлеба, без квартир.
А мимо едет толстый
смеющийся банкир.



Так вот оно как было
у нас до Октября!

Плывёт, плывёт «Аврора»
в далёкие моря...
Так кажется парнишке.
Но расступилась мгла.
Видна Адмиралтейства
высокая игла.

И, поднимая вымпел,
дают салют земле
нахимовцы на славном
октябрьском корабле.

Матросская тельняшка —
полоски на груди.
Глядит
вперёд смотрящий
на город впереди.
Глядит матрос «Авроры» —
четырнадцати лет —
на город, где зажёгся
свободы вечный свет.

Он знает: час настанет,
и дети разных стран —
ковровщик из Ирана,
индусский мальчуган, —
все сверстники матроса,
смотрящего вперёд,
перед собой увидят
свободный небосвод.

И нет сильней поруки
у счастья на земле,
чем дети на «Авроре» —
октябрьском корабле.

И нет страшней угрозы
для хищников-господ,
чем молодость,
с «Авроры»
смотрящая
вперёд!

ДЕТИ СВОБОДНОГО КИТАЯ

Иван КОЖЕДУБ,
трижды Герой Советского Союза

Рис. П. КАРАЧЕНЦОВА

Скоро Китай!

Последняя остановка нашего длинного воздушного пути. Уланбаторский аэродром позади.

Летим в тумане.

Самолёт стал набирать высоту, и вот уже под нами бродят седые, причудливой формы облака. Наконец полоса тумана кончилась, и мы вынырнули в прозрачное чистое небо.

Самолёт летит довольно низко. С любопытством всматриваемся вниз.

Вот он, Китай, необозримая древняя страна.

Под нами мелькает бесчисленное количество глинобитных фанз, то тут, то там протянулись нити оросительных каналов, аккуратные сады и рисовые поля, залитые водой.

Пекин нас встретил радостно. Как только заглохли моторы самолёта, к нам навстречу бросились толпы людей. Впереди с большими букетами цветов бежали дети с яркокрасными галстуками на груди — китайские пионеры.

Ко мне подбежала девочка с большим букетом цветов и с разбегу, прямо с цветами бросилась ко мне в объятия.

Я поднял её высоко на руках, и она громким, радостным голосом крикнула:

— Сталин вансуй! Да здравствует Сталин!

Подошли переводчики, и я познакомился с девочкой. Её звали Хэйни. Её отец, как и я, лётчик. Он очень долго сражался на фронте.

Хэйни во время войны тоже не сидела сложа руки. Часто после боя она и её друзья подбирали гильзы патронов. А когда было особенно трудно в армии, китайские пионеры на своих худеньких, неокрепших плечиках подносили к линии фронта продовольствие и боеприпасы.

На второй день нашего приезда в Пекин на одной из центральных площадей города члены нашей делегации встретились с китайскими пионерами.

Громадная площадь была переполнена детьми. И все они весело переговаривались, смеялись, пели песни. Казалось, утихомирить эту многотысячную толпу детворы невозможно. Но стоило нам, членам

советской делегации, появиться на трибуне, как после восторженной встречи наступила мёртвая тишина.

Дети с большим вниманием вслушивались в каждое наше слово.

Потом мы спустились с трибуны, и нас плотным кольцом окружили пионеры. Среди них была моя старая знакомая по аэродрому, Хэйни. Здороваясь с ней, я назвал её по имени. Девочка немного покраснела и проговорила, правда, с большим трудом: «Здравствуйте, товарищ Кожедуб». Потом она ещё больше покраснела и умоляюще посмотрела на переводчика. Переводчик, молодой китайский студент, широко улыбнулся и сказал:

— Хао, хень хао [1], Хэйни!

Пионеры провожали нас до машины. И каждый хотел быть поближе к нам, каждый хотел что-нибудь порасспросить. А интересовало их всё, всё о Советском Союзе. Они спрашивали, как учатся у нас пионеры, как отдыхают. Надо сказать, что китайские пионеры почти без исключения учатся хорошо.

Перед тем как расстаться со мной, Хэйни взяла листок бумаги, обмакнула кисточку в чернила и, тщательно выводя буквы, написала по-русски: «Сталин» Потом она повернулась ко мне и сказала через переводчика, что когда она вырастет большой, то обязательно выучит русский язык и приедет к нам, в Советский Союз.

Мы пробыли в Китае целый месяц. Мы побывали в разных уголках этой огромной страны.

Мы видели Пекин — древнюю столицу Китая, с её сказочными по красоте храмами, причудливой архитектуры башнями, с искусственными озёрами.

Мы видели Тяньцзинь, город многоэтажных зданий.

Мы видели ещё много других городов и деревень. Но не этим поразил нас Китай. Он поразил нас своим трудолюбием и жизнерадостностью. Все здесь живут большой трудовой жизнью. И профессор, одетый, как простой каменщик, в блузу и брюки синего цвета, и генерал с лицом простого солдата, и студент, сын крестьянина, и школьник-пионер.

В Шанхае мы видели солдат китайской Народной армии. Молодые, загорелые, с открытыми, мужественными, серьёзными лицами, они шли широким строем и пели «Песню о Сталине».

И вот снова Пекинский аэродром. Мы улетаем назад, в Советский Союз. Нас провожают наши друзья, китайские товарищи. Опять, как и при встрече, впереди пионеры. У многих из них в руках голуби. Голуби — это символ мира.

Пора расставаться. Нас окружают со всех сторон взрослые и дети. И всюду мы видим дружеские лица.

Неожиданно кто-то дёрнул меня за рукав кителя. Я оглянулся. Передо мною стояла Хэйни. В руках она держала голубя. На шейке у него было надето самодельное колечко с бумажкой, на которой неумелой детской рукой было написано по-русски и по-китайски: «Сталин — мир! Мао Цзе-дун — мир!»

Потом девочка взяла голубя и, сильно размахнувшись, бросила его вверх. Но вот к голубю Хэйни присоединилось ещё несколько десятков голубей, которых выпускали пионеры под общие возгласы взрослых и детей:

— Да здравствует СССР!

— Да здравствует мир!

---

[1] — Хорошо, очень хорошо.

ЛЕСНАЯ ГОСТЬЯ

С. МАРШАК

Рис. Ю. КОРОВИНА

Из пригородной рощи
Иль из глуши лесной
Она в Москву на площадь
Приехала весной.

И с нею нераздельно
В столицу привезли
Её надел земельный —
Кусок родной земли.

Не маленьким ребёнком,
А деревом в соку
Её четырехтонка
Доставила в Москву.

От мелкой, частой дрожи
Машины грузовой
Она кивала лёжа
Покорной головой.

Перед огромным домом
Из камня и стекла,
На месте незнакомом
Приют она нашла.

В глуши лесная липа
Не слышала вокруг
Ни звука, кроме скрипа
Скучающих подруг.

А здесь, на новом месте,
Покоя ночью нет.
Над крышею «Известий»
Мелькает беглый свет.

Фонарь сияет ярко,
Освещены дома...
И думает дикарка:
Когда ж наступит тьма?

Но, гостья дорогая,
Привыкнешь ко всему:
К тому, что не пускают
В Москву ночную тьму,

Что гул Москвы рабочей,
Огромной мастерской,
Не молкнет днём и ночью,
Как дальний плеск морской...

Расти на новоселье,
Живи здесь много дней.
Над городской панелью
Цвети и зеленей.

Дыши прохладой летом
И радуй каждый год
Медовым лёгким цветом
На площади народ!

КРАСНЫЕ ФЛАЖКИ

А. МУСАТОВ

Рис. Т. ЕРЁМИНОЙ

Весь вечер Алёша Новиков и его дружки Петя и Стёпа вырезали из старых журналов картинки и наклеивали их в альбом. Картинок набралось много. Был тут и штурм Зимнего дворца и крейсер «Аврора». Потом они украсили портреты Ленина и Сталина.

— Кому это подарок будет? — спросила Алёшу мать, поглядывая на альбом.

— Это мы к октябрьскому празднику готовим, — ответил Алёша. — От всего нашего класса.

В сенях хлопнула дверь. Алёшина мать вышла и вскоре ввела в избу кругленького пухлощёкого Диму Торопова.

Забыв про альбом, ребята бросились к приятелю.

— В гости приехал? Да? Соскучился без нас?

— Нет... — важно ответил Дима. — Мы с тятькой по делам приехали.

После того как небольшие колхозы Берёзовского сельсовета объединились в одну крупную артель «Победа», Диминого отца, колхозного счетовода, перевели работать с хутора Починки в большое село Берёзовку. Вместе с отцом переехал туда и Дима. Он поступил учиться в Берёзовскую школу.

— Ну, как тебе в Берёзовке живётся?— спросила Диму Алёшина мать.

— Ой, тётя Таня, хорошо живётся, — улыбнулся Дима. — Вот бы ребятам со мной туда... — И он принялся расхваливать Берёзовку. Там новая просторная школа, перед школой сад, глубокий пруд с лодками, в селе свой клуб, стадион, кино, библиотека, электрический свет в окнах, радио в каждом доме.

— Да что, право, расхвастался, — остановила Диму Алёшина мать. — Всё это и нам не чужое. Мы ведь теперь тоже члены колхоза «Победа», с самой весны. Только вот живём ещё далеко от главной усадьбы.

Тётя Таня ушла за водой, а ребята усадили Диму за стол и наперебой принялись делиться новостями.

Они ходили с учителями на экскурсию в лес, в школьном живом уголке у них появился ёжик и старый ворон. Их третий класс уже начал готовиться к октябрьскому празднику — все ученики разучивают новые песни, стихи и собирают картинки для альбома.

— Что там песни да картинки! — перебил Дима. — Мы вот седьмого ноября всем классом на демонстрацию пойдём... С горном, под барабан. Я пионерское знамя понесу.

— На демонстрацию! — вскрикнул Алёша и переглянулся с Петей и Стёпой. — Вот что значит жить в Берёзовке!

Их же Починки — маленький хутор, и никаких демонстраций здесь не бывает. Колхозники ходят на праздник Первого мая и седьмого ноября в большое село Берёзовку. Но до Берёзовки далеко, пятнадцать километров, и школьников они с собой не берут.

— Дима, — умоляюще шепнул Алёша, — а можно нам на демонстрацию пойти?

— Что вы! — покачал головой Дима. — У нас строго. Чужих в колонну не принимают.

— Какие же мы чужие? — обиделся черноглазый Стёпа. — Все мы из одного колхоза.

— Дома вас не пустят. И учитель не разрешит. Далеко же до Берёзовки. И дорога грязная. А то ещё ручей в овраге может разлиться — не проберётесь.

— Мы пройдём!.. — принялся уверять Алёша.

Но Дима стоял на своём: не пустят, далеко, трудная дорога. Разговор оборвался, ребята приуныли и отодвинулись от приятеля. Дима немного посидел и начал прощаться. Ребята вышли его проводить. Около крыльца мальчики остановились.

Неожиданно Алёша вытащил из-под крыльца ящик, набитый обрезками железа, обрывками проволоки, верёвок, гвоздями. Всё это было общее ребячье хозяйство.

— Забирай свою долю! — хмуро сказал Алёша.

— Зачем? — опешил Дима. — Пусть у вас остаётся!

— Забирай, говорю! — прикрикнул Алёша.

Дима взял из общего хозяйства часть вещей и ушёл.

— А ещё дружок! — с обидой сказал Стёпа. — Жил бы я в Берёзовке, обязательно бы всех ребят позвал на праздник.

— А пусть Димка не очень задаётся! — решительно заявил Алёша. — Мы тоже пойдём на демонстрацию!

— Не возьмут нас, — заметил худенький, осторожный Петя.

— Может, и возьмут... Я тятьку попрошу, — сказал Алёша.

— И я попрошу... — добавил Петя. — А пока давайте к празднику готовиться.

Через несколько дней на адрес Алёши пришло письмо из Берёзовки. Алёша быстро пробежал его и, сияющий, помчался к приятелям.

— Слушайте, что нам Дима пишет. — И он торопливо прочёл: — «Ребята, вы на меня не сердитесь... Я рассказал про наш спор на звене. Пионеры меня здорово поругали и заставили написать вот это письмо. Приходите седьмого ноября в Берёзовку на демонстрацию. Пойдёте с нашим звеном. Приготовьте красные флажки. Дима Торопов».

— Вот это Дима! — обрадовался Стёпа. — Не забыл всё-таки нас. Молодец!

После письма ребята стали ещё прилежнее готовиться к празднику. Разучили новую песню, наделали флажков.

Петя предложил нарвать в лесу гроздьев красной рябины и украсить ими флажки.

Октябрь пролетел незаметно. Однажды к концу месяца отец сказал Алёше:

— Ну, сынок, прощайся с Починками. На-днях переезжаем.

— Куда переезжаем? Зачем? — не понял Алёша.

— В Берёзовку! В новый дом... Наш хутор Починки — самый отдалённый от центра колхоза. Неудобно так жить. Ни электричества у нас, ни радио. Вот правление и решило переселить нас в Берёзовку. А через годик-другой и остальные хутора да деревушки к центру подтянутся. Такое новое село вырастет — городу не уступит!

— Теперь и Берёзовская школа наша будет? — обрадовался Алёша. — И кино? И клуб?

— Всё наше, сынок, всё!.. Можно вас, школьников, и на демонстрацию взять — теперь близко. Вы уж готовьтесь...

— А мы и так готовимся, — засмеялся Алёша.

Накануне седьмого ноября починковские колхозники погрузили вещи на подводы и тронулись к Берёзовке.

У околицы их встретили школьники.

— Наши едут, наши! — закричали они.

Дима Торопов подбежал к Алёше и пожал ему руку.

— А я знаю, где ваш новый дом! Пойдём, покажу! — и потащил Алёшу за собой.

Новиковым достался чистенький, светлый домик на кирпичном фундаменте, с оранжевой черепичной крышей. Стены пахли свежим деревом, смолой, за окнами вздрагивали на ветру молодые саженцы тополей и рябины.

Школьники помогли Новиковым внести в дом вещи, потом повели Алёшу, Петю и Стёпу по колхозу. Показали им высокие, как башни, скирды хлеба около риги, могучих коней-тяжеловозов на конюшне, плотину электростанции на реке, водокачку, машинный сарай.

Ребята ходили по колхозу до позднего вечера. Потом все разошлись по домам. Только Алёша с Димой ещё долго бродили по улицам.

— А правда, богатая наша «Победа»? — спросил Дима.

— Богатая! — согласился Алёша. — И сильная!

— Ты завтра на демонстрацию пораньше приходи... — напомнил Дима. — Не проспи смотри.

— Не просплю, не бойся!

Алёша помолчал, потом помялся и сказал:

— А помнишь, я твою долю из ящика выбросил? Давай опять заведём «общее хозяйство».

— Давай! — обрадовался Дима. — Сусличьи капканы будем делать, клетки для птиц.

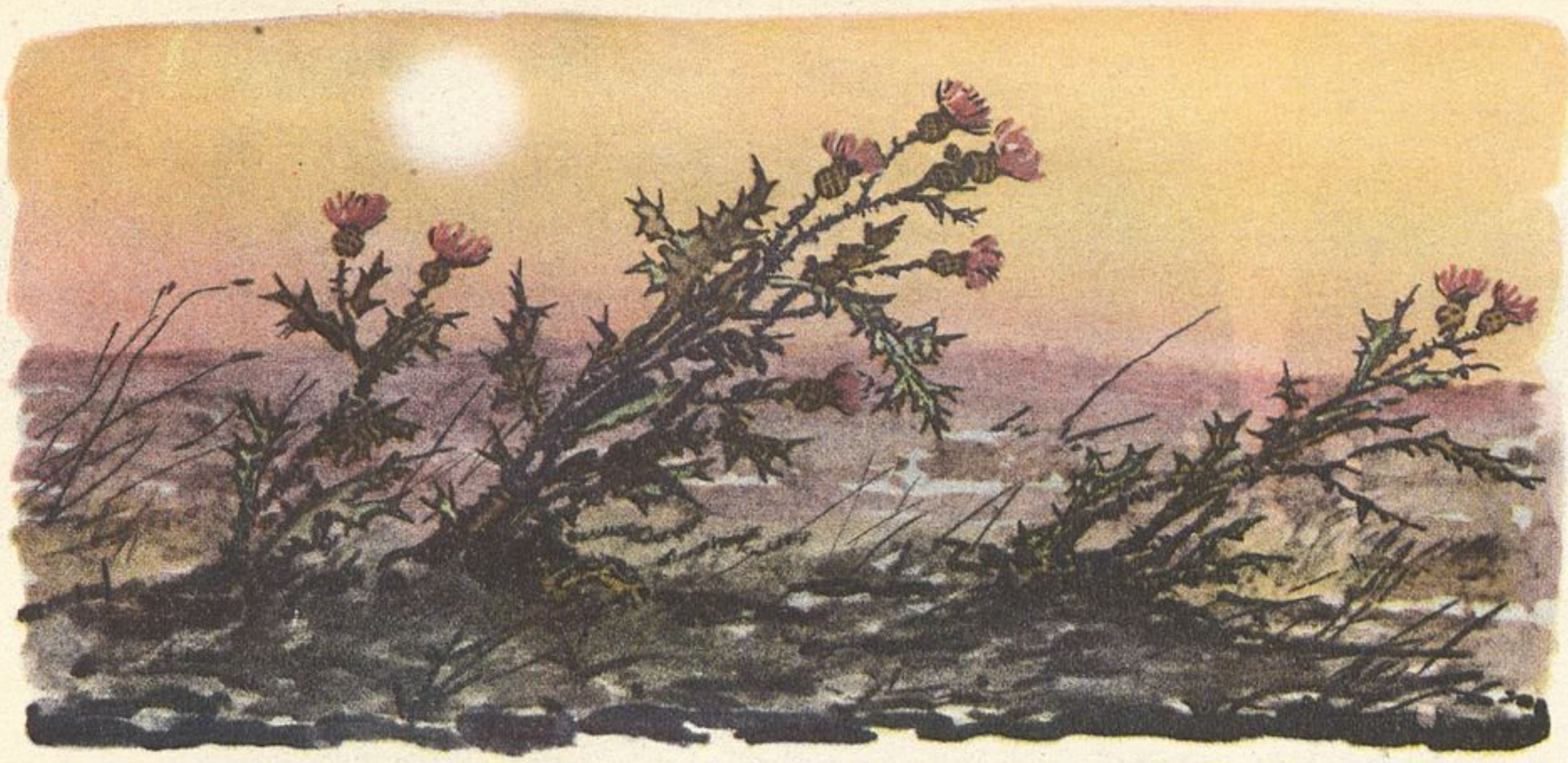
Утром Алёша с приятелями пришли к Берёзовской школе. В руках они держали красные флажки, украшенные гроздьями рябины. Флажки всем очень понравились, и Алёшу, Петю и Стёпу поставили в первый ряд.

Потом колонна школьников направилась с песнями вдоль улицы, к сельскому совету, где у памятника Ленину уже собрались колхозники. Вскоре открылся митинг. После председателя колхоза на трибуну поднялся Алёшин отец. Он сказал, что для починковских колхозников сегодня вдвойне праздник. Много лет прожили они на маленьком хуторе, а вот теперь нет больше хутора Починки, а есть большой, сильный и счастливый колхоз «Победа». И он от души благодарит за это товарища Сталина.

С высокого столба заговорил громкоговоритель. Алёша услышал могучий гул толпы и радостные крики: «Товарищу Сталину — ура!..» Это в Москве через Красную площадь шли тысячи людей и выражали Сталину свою любовь, преданность и благодарность.

Алёша высоко поднял красный флажок, взмахнул им и вместе со всеми, кто стоял у сельсовета в Берёзовке и кто шагал мимо мавзолея Ленина в Москве, закричал:

— Ура товарищу Сталину! Ура!



СКАЗКА ПРО СУХОВЕЯ

Платон **ВОРОНЬКО**

Рис. **Е. РАЧЁВА**

Много сказок есть на свете.
Эта сказка всех новей.
Жил да был горячий ветер,
Сын пустыни — Суховей.

Он дохнёт — и рвутся тучи,
Сохнут реки на бегу,
И, стихая, гром могучий
Покоряется врагу.

Суховей зальётся смехом:
Погибай, мол, всё, гори!
И ему послушным эхом
Отвечают пустыри.

Не созрев, засохли нивы,
Огороды и сады,
Стали сёла молчаливы,
В каждом доме ждут беды.

— Что ж притихли? Сейте снова! —
Зло хохочет Суховей. —
Клок соломы, право слово,
Соберёте вы с полей!

Видно, счастья не дождаться!
С каждым годом злей беда!
Люди стали разъезжаться,
Расходиться — кто куда.

Стало тихо, сонно, глухо,
Мёртвый край людьми забыт.
Только Засуха-старуха
Полновластно здесь царит.

Как-то утром, между делом,
Суховей примчался к ней
И сказал ей: — В мире целом
Мы с тобою всех сильней!

Нашей власти нет границы,
Всё покорно нам двоим.
Мы дождю велим не литься,
Гром гремучий усмирим!

И, немного утомлённый
Речью жаркою своей,
На постели пропылённой
Лёг на отдых Суховей.

Подремать ему охота, —
Он под бок поджал крыло.
Только — чу! — хохочет кто-то,
Что-то сверху полило.

— Что за сон такой неладный! —
Суховей протёр глаза
И, взлохмаченный, громадный,
На локтях приподнялся.

Подбежал к его постели
Майский дождик молодой.
А вокруг ручьи звенели
Серебристою водой.

Суховей пришёл в смятенье.
Закричал он: — Эй, малыш!
Ты попал в мои владенья,
Так беды не избежишь!

Подниму до неба пыль я,
Уничтожу смельчака! —
Он вскочил и поднял крылья,
Отсыревшие слегка.

Мчится прочь малыш задорный,
Суховей не отстаёт:
Следом гонится упорно,
Пробегает реки вброд.

А вокруг хлеба густые,
Словно море, разлились.
Месяц вёсла золотые,
Проплывая, бросил вниз.

— Где ты, Засуха-старуха?
Выходи-ка на поля!
Сделай так, чтоб стало сухо,
Чтоб потрескалась земля!

— Ох, мой друг, я отсырела!
Ох, попала я в беду!
От простуды ноет тело,
Голова моя в чаду!

Надо с жизнью мне проститься, —
Настаёт последний день.
Вкруг меня растёт пшеница,
Рожь густая и ячмень.

Суховей бежит по полю,
Он встревожен и сердит,
А за полем лес на воле
Зеленеет и шумит.

— Да откуда ж он явился,
Этот ельник молодой,
Куст ракиты, что склонился
Над серебряной водой?!

— Мне страшней всего на свете, —
Восклицает Суховей, —
Эти рощи, травы эти,
Плеск реки и шум ветвей!

Уж не дождик, не гроза ли
Принесли мне столько бед?
— Это мы! — ему сказали
Люди вольные в ответ.

— Мы, — сказали коммунисты, —
На тебя идём войной.
Агрономы, трактористы
Обновляют край родной.

— Мы, — сказали комсомольцы, —
Роем новые пруды,
Мы в пустыне бьём колодцы
Поливать поля, сады.

— Мы, — сказали пионеры. —
Разве плохо? Посмотри:
Мы устраиваем скверы
Там, где были пустыри!

Суховей промолвил тихо:
— Ишь, и речь теперь не та.
Говорили прежде: «Лихо»,
«Голод», «Холод», «Нищета».

— Этих слов уж нет в помине!
Все остались позади!
Не мешай нам, сын пустыни,
Прочь с дороги уходи!

С нами сила, Сталин с нами!
Мы за ним идём вперёд!
Трудовое наше знамя
К коммунизму нас ведёт.

Оттого и вся природа
С нашей юностью дружна.
Воле нашего народа
Покоряется она!

И среди лесного шума
Сотен веток молодых
Суховей поник угрюмо,
Лёг на землю и затих.

Он лежал в густой крапиве,
Слушал гроз весёлый гул,
И его весенний ливень
Звонкой влагой захлестнул.

Там теперь сады в расцвете,
В хлебном золоте поля.
Родила богатства эти
Обновлённая земля.

Перевела с украинского
О. ВЫСОТСКАЯ

...ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА

У ТЁТИ ПАВЫ

Я. ТАЙЦ *Рис. В. КОНОВАЛОВА*

ДОМА

У Толика есть тётя. Её зовут тётя Пава. Толик никогда ещё её не видел, но он знает про тётю Паву, потому что мама про неё часто рассказывает.

Толик любит слушать про тётю Паву по вечерам, когда надо спать ложиться. Он забирается в постель, мама покрывает его одеялом, подтыкает, чтобы не дуло, садится в ногах и начинает рассказывать:

— А домик у тёти Павы маленький, как игрушечный. А ехать к ней далеко-далеко... А ещё у тёти Павы есть рожок. Как задудит — далеко слышно.

— А мне она даст подудеть? — спрашивает Толик.

— Конечно, даст! Если ты будешь хорошим мальчиком...

— А я буду хорошим, — говорит Толик.

Он поворачивается лицом к стене, как полагается хорошему мальчику, свёртывается в клубок и засыпает. Ему снится тётя Пава. Она играет на рожке: ду-ду, ду-ду... Вот какая музыка!

ПИСЬМО

Это всё было зимой. А весной пришло письмо. Мама распечатала его и сказала:

— Толик, угадай, от кого письмо?

— От тёти Павы, наверное.

— Правильно, молодец! Видишь! «Приезжайте ко мне, жду с нетерпением, привет Толику. Тётя Пава».

Толик обрадовался, запрыгал, заскакал.

— А когда мы поедем?

— Как отпуск получу.

— А где она живёт? В каком городе?

— Она не в городе.

— Значит, в деревне?

— И не в деревне.

— А где же? — удивился Толик.

— А вот поедем к ней, всё узнаешь, — сказала мама.

ЛЕТОМ

И вот настало лето. Мама получила отпуск, и они с Толиком поехали к тёте Паве.

Ехали на поезде. Толик всё время стоял у окна. Он видел города, леса, поля, колхозы, и опять поля, и опять леса...

На больших станциях выходили погулять. Толик всё тянулся к паровозу, но мама не пускала его.

ТЁЗКА

А на одной большой станции Толик вдруг пропал. Только что был здесь, и вот — нету!

Мама испугалась и стала у всех спрашивать:

— Вы не видели мальчика в синей рубашечке, чуть конопатенький?

— Вон, кажется, туда пошёл.

Мама побежала к паровозу. Но Толика там не было. Мама стояла возле огромных горячих колёс и не знала, что делать. Вдруг над ней в окне кабины показался машинист.

— Вы не мальчика ли ищете, гражданка?

И сразу же рядом с ним в окне показался Толик. Он был весь чумазый и весело кричал:

— Мама, я здесь, я помощник машиниста, я кочегар, мама!..

Мама обрадовалась и рассердилась и повела «кочегара» к вагону. Он торопливо рассказывал:

— Ну, я не виноват... Я просто стоял и смотрел... А машинист меня взял к себе на минуточку... Потому что он добрый... Его зовут дядя Толя... Мы с ним тёзки. Он мне где гудеть показал...

Они сели в вагон, поезд тронулся, и Толик сказал пассажирам:

— Это мой знакомый машинист гудит. Его тоже зовут дядя Толя. Мы с ним тёзки. А я тоже буду машинистом. Правда, мама?

Но мама ничего не ответила. Она всё ещё сердилась на сына и молча прислушивалась к стуку колёс. Они выстукивали:

— То-лик е-дет к тё-те Па-ве... То-лик е-дет к тё-те Па-ве...

РАНО УТРОМ

Колёса выстукивали эту песенку весь день и всю ночь. А рано утром мама сказала:

— Теперь, Толик, смотри в оба. Может, мы с тобой увидим тётю Паву.

Она стояла у одного окна, а Толик — у другого. Перед ним проносились берёзы, мосты, столбы...

Вдруг мама закричала:

— Пава! Павочка! Пава! Это мы!

Толик кинулся к маминому окну:

— Где тётя Пава, где?

— Вон там, смотри!

Толик прильнул к окну. Но поезд шёл очень быстро, да тут ещё, как нарочно, оказался поворот, и Толик ничего не увидел. Он чуть не заплакал.

— Мама, где же она? Я не видел...

— Ничего, — сказала мама, — теперь уже скоро. Давай собираться, приехали.

МАЛЕНЬКИЙ ДОМИК

Поезд остановился на маленькой станции.

Мама с Толиком вышли, знакомый машинист, дядя Толя, загудел, словно прощался с Толиком, и поезд ушёл.

А мама и Толик пошли по дорожке к большому дому. Там живёт тётя Пава. Но соседи сказали:

— А Павла Васильевна сейчас на дежурстве. Вы оставьте чемодан и пройдите к ней.

Так и сделали. Мама с Толиком вышли на широкое шоссе. Оно привело их к железной дороге. Там, возле рельсов, стоял маленький беленький домик, вроде игрушечного.

За домиком тянулись полосатые палки: полоска белая, полоска чёрная. Но Толик не успел ничего рассмотреть, потому что из домика вышла тётя в платке и кинулась обнимать Толика.

— Вот! Наконец-то! А я уж заждалась! Ну-ка, Толик, покажись, ведь я тебя ещё никогда не видела...

— Я вас тоже не видел, — сказал Толик.

Ему понравилась тётя Пава. На поясе у неё висел кожаный футляр. Толик хотел спросить: что там, не рожок ли? Но тётя Пава сказала:

— Идите, гости, на квартиру, отдыхайте, а я отдежурю — приду!

И она пошла к маленькому домику, а мама с Толиком — к большому.

ДЕЖУРКА

Скоро Толик всё разузнал. Маленький домик назывался д е ж у р к а. Он стоял там, где шоссе встречается с железной дорогой. Это место называлось п е р е е з д. А сама тётя Пава называлась п е р е е з д н ы й с т о р о ж.

Толик очень любил бывать в дежурке. Там звонок и три окошечка.

Посмотришь в одно окошечко — увидишь гладкое асфальтовое шоссе. По нему бегут «зисы», «Победы», «Москвичи» и грузовики с разными товарами.

Посмотришь в другое окошко — увидишь рельсы. По ним спешат поезда — и пассажирские и товарные. Они везут людей, уголь, кирпич, лес...

Посмотришь в третье окошко — увидишь тётю Паву. Когда подходит поезд, она опускает поперёк шоссе полосатые палки, дудит в рожок и стоит по команде «смирно» с жёлтым флажком в вытянутой руке.

Перед ней проходит поезд. А за её спиной выстраивается длинная вереница машин.

Но вот поезд прошёл, тётя Пава поднимает полосатые палки, и машины гуськом, чуть подпрыгивая на рельсах, переезжают через железную дорогу.

ПУТИ-ДОРОЖКИ

Поезда шли часто. То и дело дежурка сотрясалась и стёкла во всех трёх окошках дребезжали. Тётя Пава выходила встречать поезда и на рассвете, и поздней ночью, и в жару, и в ливень...

Толик спрашивал:

— Тётя Пава, а почему столько поездов?

— А как же, Толик, — отвечала тётя Пава, — ведь наша родина, знаешь, какая огромная. Самая большая страна на земле. А везде идёт стройка. Там нужен уголь, там машины, там хлебушек. Всё надо отвезти да привезти. Вот и бегут-спешат машины да поезда, вот и разбегаются во все концы наши пути-дорожки.

Тут в дежурке затрещал звонок, тётя Пава взяла флажок и вышла встречать поезд.

ФЛАЖОК

Толик часто просил:

— Тётя Пава, дай мне флажок, я тоже хочу встречать поезда.

— Не полагается, — сказала тётя Пава, — ты ещё маленький.

— Какой же я маленький! Меня даже машинист на паровоз взял, а не то что...— обиделся Толик.

Он побежал к маме, и мама сшила ему флажок. Такой же, как у тёти Павы, только поменьше и поновей. Он побежал с флажком в дежурку. Тётя Пава сказала:

— Ну что ж, с этим флажком можешь встречать поезда, только, чур, вместе со мной, будешь мне помогать.

Толик обрадовался. И как только затрещал звонок, он вместе с тётей Павой вышел к переезду.

Тут, как нарочно, хлынул проливной дождь, но Толик не стал прятаться в дежурку. Он помог тёте Паве опустить полосатые палки и стоял рядом с ней, пока не прошёл поезд.

ВСТРЕЧА

Он теперь всегда помогал тёте Паве. Однажды он стоял рядом с ней и пропускал поезд. Шёл пассажирский. Над паровозом клубился дым. Машинист высунулся в окно.

Толик пригляделся к нему и вдруг не своим голосом закричал:

— Дядя Толя-а!

Но машинист не услышал. Тогда Толик взял у тёти Павы рожок и загудел что было сил. Машинист посмотрел на Толика и махнул ему замасленной рукой и закричал:

— Тёзка, здорово-о! Ты ведь хотел машинисто-ом!

— Нет, — кричал Толик, — я теперь переездным сто-ороже-ем!

— Молоде-ец! Это тоже дело хоро-оше-е!

Машинист дал гудок. Поезд прошёл. Тётя Пава стала поднимать полосатые палки. А Толик всё ещё смотрел вдогонку поезду. Он был рад, что повстречался со старым знакомым.

ДО СВИДАНЬЯ!

Скоро дни стали короче. По вечерам тётя Пава выходила к поездам не с флаж-

ком, а с фонариком. На полосатых палках зажглись красные и зелёные лампочки. Пришла пора уезжать.

Толик с мамой простились с тётей Павой и пошли на станцию. Там они сели на поезд и поехали. В вагоне они стояли у окна и ждали.

И вот показались знакомая белая дежурка, полосатые палки и тётя Пава с флажком. Она пропускала поезд.

— Тётя Пава, — закричал Толик, — до свиданья-а!

— До свиданья, помощник! — кричала тётя Пава. — Приезжай на будущий год!

— Обязательно!

Толик смотрел назад. Маленький домик становился всё меньше. И вот его уже не видно, но всё ещё виден жёлтый флажок в руках у тёти Павы. А скоро и он пропал.

У ОКНА

Толик весь день простоял у окна. Ему то и дело попадались переезды, полосатые палки, дежурки. И у каждой дежурки стояла тётя с флажком.

— Смотри, мама, — засмеялся Толик, — везде тёти Павы стоят.

Дорог было много, переездов много, и Толик без конца повторял:

— Мама, смотри, вон опять тётя Пава стоит!

И долго махал самодельным флажком каждой тёте Паве.

А дома он играл с ребятами в переездного сторожа. Он показывал, как опускать полосатые палки и как стоять по команде «смирно» с жёлтым флажком в вытянутой руке.

ЛИФТЁРША

Конст. ВАНШЕНКИН

У лифта седая старушка
Дежурит с утра до темна.
«Тихонько, вам лифт не игрушка!»—
Ворчит на мальчишек она.

Ответственность чувствуя сердцем,
Стоит со спокойным лицом
И пробует, плотно ли дверцы
Прикрыты за новым жильцом.

К жильцам проявляя заботу,
Заранее знает всегда,
Во сколько приходят с работы,
Кому подниматься куда.

Доставит она до квартиры
Профессора в толстых очках,
В скрипучих ремнях командира,
Студентку с портфелем в руках,

Известного миру шахтёра
И многих других москвичей.
И в эту минуту без спора
Они подчиняются ей.

Спокойна лифтёрша седая,
Обычен приветливый вид.
И, лифта внизу ожидая,
Начальство в подъезде стоит.

И лишь восьмилетнего Кольку
Такой не устроит закон,
И, ждать не желая нисколько,
Пешком поднимается он.

СТАРЫЙ СУНДАПТЕ

СКАЗ

Д. МИРОНОВА

Рис. Л. КРАВЧЕНКО

Далеко-далеко на севере, в белой тундре, жил старый Сундапте. Меж озёр, скал и рек на берегу Звин-озера поставил Сундапте чум, накрыл его от непогоды оленьими шкурами. Из ночи в ночь, из года в год чум стоял на берегу, как старый гриб. И даже когда приходило лето и наступал комар-месяц, а старый Сундапте уходил со своими оленями к морю, чум оставался на месте. Ветер обдувал его, солнце грело, а он ждал своего хозяина.

А тундру знал старый Сундапте, как свой чум. Много раз исходил он её вдоль и поперёк. Не раз зимой чёрная пурга его там била, а солнце слепило глаза. В долгую полярную ночь звёзды открывали ему тропу, каждый сугроб говорил, где путь, а летом каждый цветок ему низко кланялся.

И по тундре слава бежала о старом Сундапте.

— Его острый глаз каждого песца видит, — говорили о нём в тундре.

И правда, много зверя ловил Сундапте. Каждый год царские слуги да купцы-толстосумы наезжали к старому Сундапте, забирали его дорогую добычу, на Большую землю увозили — царских дочек украшать да на золото менять.

Глядит старый Сундапте вслед купцам, головой качает:

— Ой-ой-ой! Всё купец увёз, один медный пятак оставил.

Но всё же в его чуме счастье было.

Росла у Сундапте малая внучка, в своей оленьей шубёнке пушистая, как оленёнок. Она сияла, как звёздочка в полярную ночь.

Бывало у очага Сундапте рассказывал внучке сказки.

Всего больше любил старый Сундапте предание о Камень-горе.

— Далеко-далеко, — говорил он, — среди нехоженых троп стоит гора, высокая-высокая. Живут в той горе два родных брата — старший брат Черноус, младший брат Сероус. Большой они силы, только роста разного. Железным замком Камень-гора закрыта, крепко землёй скована. Чёрная пурга, родная тётка Камень-горы, её стережёт день и ночь, белой шубой покрывает и тропу к ней под глыбы студёные прячет, чтобы никто, никто не узнал, не проведал... Только старая луна да Сундапте со своим оленем знают тропу эту. Много людей приезжало из-за моря искать Камень-гору, но никто дороги не нашёл. Мороз всех давил, а чёрная пурга их кости в синь-озеро бросала.

— А зачем тропу прячут? — спрашивала внучка.

— Э-э! — говорит Сундапте. — Много-много добра в Камень-горе лежит — царские слуги придут, добро царю унесут.

А злая беда уже по тундре бежала. Царь проведал, что знает старый Сундапте про богатства. Послал он верных слуг своих.

Долго допытывались слуги, где Камень-гора лежит. И добрым словом, и бранью, и золото ему сулили, а старый Сундапте молчит, словно язык проглотил. Разгневался царь, велел вырвать у Сундапте правый глаз.

Окривел старый Сундапте. С тех пор он стал реже с охоты добычу приносить, не мог он так ловко зверя ловить, как прежде.

Вернётся с охоты, станет у чума, смахнёт слезу со старой щеки мягкой оленьей шкуркой, а сам глядит на чум, как бы внучка не увидала. А внучка уже большая была, ей минула девятая весна. Она бывало ждёт деда, очаг топит, греет чум.

Глядит на неё Сундапте и вспоминает, как совсем недавно, не доглядит он за маленькой, она и убежит в тундру, а пурга хвостом ударит, ни троп, ни дорог не видно. Где внучка? Прислушается старый Сундапте, где звенят колокольчики, пришитые к шубёнке. Так он её и находил. А теперь внучка сама часто деда выручает, звонит колокольчиком, чтобы он тропу к чуму не потерял.

Однажды, когда алый закат лежал на небе, заскрипел снег у чума старого Сундапте. Вышел он, глядит — человек стоит.

— Ты откуда пришёл? — спрашивает Сундапте.

— Я, — говорит, — гонец с Большой земли, зовут меня Иван. Пришёл сказать тебе, что новая жизнь настала. Мудрые богатыри Ленин и Сталин правду народу открыли, и теперь нет больше царя, ни слуг царских, ни купцов, что народ грабили и у тебя, Сундапте, пушнину забирали.

Обрадовался старый Сундапте.

— Заходи, — говорит, — в мой чум, Иван, дорогим гостем будешь!

Вошёл Иван, головой в перекладину упёрся, чуть не своротил чум.

— Ой-ой, шибко большой ты, мой чум мал тебе! — улыбнулся Сундапте. — Садись.

Сел Иван на оленью постель, а внучка топлива в огонь подбросила.

Старый Сундапте угощает доброго человека и строганиной и печёнкой оленьей.

И Иван своё угощение из мешка вытаскивает: чай, сахар, белый хлеб и разные пряники — всё на стол кладёт. Сундапте с внучкой таких гостинцев и не видывали.

Стал Иван рассказывать, как на Большой земле народ новую, справедливую жизнь строит.

Налилось радостью сердце у старого Сундапте. Рассказал он о своих чёрных днях и о том, как народ в тундре живёт. И о Камень-горе рассказал, какие в ней богатства для добрых дел спрятаны. А потом уложил Сундапте дорогого гостя спать на шкуру оленью. Заснул Иван, а к Сундапте сон нейдёт. Глядит он, как внучка его улыбается во сне, — видно, хороший сон ей снится. Вышел он из чума, спина у него выпрямилась. Поглядел Сундапте на своего оленя, впряг его в нарты, сел и поехал. Повёз слова Ивана по тундре...

* * *

Давно в чуме очаг угас, колкие снежинки в щели лезли, и сам мороз вполз, расселся на оленьей постели, воду в ведре заледенил, а злая пурга радуется, под очаг заглядывает, человеческое тепло вымораживает. У Ивана русые кудри белыми стали.

Очнулся Иван.

Глянул, а в чуме нет старого Сундапте.

— Ой, — говорит Иван, — как плохо человеку в чуме жить! — Вышел он из чума, глядит и не верит. Едет Сундапте на своём олене, а за ним и на собачьих упряжках и на оленях люди едут.

— Смотри, Иван, вся тундра к тебе приехала. Все хотят сами слушать твои большие слова! — кричит старый Сундапте.

Тут на серое небо вышло большое ясное солнце и словно лукошко золота на Ивана опрокинуло.

Заговорил Иван, рассказал, с какими вестями он в тундру приехал, и глаза у народа засветились радостью.

— О-о-о! Иван, гляди, как солнце горит. Твой путь будет шибко хорош... Весь народ с тобой поедет к Камень-горе богатство добывать.

Долго ехали, а всё же доехал Иван до Камень-горы. Гора стоит, горбом в небо упёрлась. Всю белую тундру загородила.

— Вон, — говорит Иван, — какая она, Камень-гора.

Копнул он кайлом раз — металл гремит, в другой раз — серебро звенит, а в третий раз копнул — самоцветы к ногам сыплются, переливаются.

Улыбнулся Иван. Поглядел на старого Сундапте.

— Здесь, — говорит, — богатства на всех хватит. И на Большой земле и в тундре. Жизнь хорошую для народа строить будем!

Только это вымолвил Иван — враз Камень-гора расступилась. Идёт Иван в глубь горы. За ним — люди.

Но вдруг поперёк тропы встал старший брат, Черноус.

— Ты что, Иван, в наше царство пожаловал? Да с собой народ привёл?

— А я к тебе силой померяться пришёл, — говорит Иван.

Тут и другой брат, Сероус, стеной встал... Жар пошёл.

Но не сробел Иван. Блестит у него в руках кайло, само из рук рвётся. Поднял он его высоко, изо всей силушки ударил Черноуса в грудь...

Загремел Черноус, рассыпался, искрами загорелся, разными огнями заплясал, а Сероус зашипел и в ком обратился...

Немного лет прошло. Вместо чума на берегу Звин-озера стали новые избы. В одной из них и сейчас ещё живёт Сундапте с внучкой.

Пролегла дорога новая мимо Звин-озера — до самой Камень-горы.

А на её высоком горбу красный кумач огнём горит, светом светит, широкий путь освещает.

На обложке рисунок Н. Жукова. На стр. 3 — портрет И. В. Сталина. Цветное фото Н. Петрова.

Редколлегия: А. БАРТО, О. БЕДАРЕВ, Л. ВИНОГРАДСКАЯ (редактор), А. ЕРМОЛАЕВ, Л. ИЛЬИНА, В. ЛЕБЕДЕВ, С. МАРШАК, С. МИХАЛКОВ, Л. ПАНТЕЛЕЕВ

Художественный редактор Н. Попов *Рукописи не возвращаются* *Техн. редактор Г. Шебалина*

Год издания двадцать седьмой **Цена 1 руб.** Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Сущёвская ул., 21. Тел. Д 3-20-90, доб. 1-06 Подписано к печати 3/X 1950 г. А07739

2,8 уч.-изд. л. 33 000 зн. в печ. л. Бумага 60×92¹/₈ = 1,5 бум. л. = 3 печ. л. Тираж 200 000 экз. Заказ 1738

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, Сущёвская, 21.

Рис. В. ТРОФИМОВА

10686